р молодых

Каникулы. Пре-
погода. Кому не
в это время «мах-
а город: подышать
воздухом, позаго-
берегу Урала или
уединиться с при-
Вот и мы, ученики
ассов, отправились
ое путешествие по
...Сколько пришл-
видеть и испытать
дни!

СУДОВОГО ЖУР-
3.06.91. 16 часов:
1НКА. Отсюда на-
я наше путешест-

ойный, широкий
еличаво несет себя
обрывистых степ-
егов. Кажется, ре-
ла, забыла о на-
уществовании и
но отдыхает от
сует. Воды ее за-
Поверхность прев-
ь в зеркальную
внутри которой
особенный, слож-

...НО ВСЕ КОГДА-ТО КОНЧАЕТСЯ

ный, красивейший мир: водоросли сплелись в арки, аллеи-улочки, а между ними с удивительной проворностью «шныряют» рыбы и мальки.

Но вот неожиданно величавость сменяется могуществом Урала. И откуда только появилась эта сила? Река стала мельче, и змеей вьется между скалистыми берегами.

ИЗ СУДОВОГО ЖУРНАЛА: 5.06.91. 17 часов: начинаются самые трудные перекаты, около больших каменных глыб, называемых «Семь братьев».

...Дно «летит» перед глазами штурманов. Им в этот момент тяжелее всех. Одна неверная команда, один незамеченный камень — и лодка, в лучшем случае, встает на мель, а в худшем — кренивается пробоиной. А валун возникает совсем не вовремя, так неожиданно, что лишь счастливый случай «проносит» лодку дальше.

ИЗ СУДОВОГО ЖУРНАЛА: 6.06.91. Солнце печет безжалостно. У нас две дневки близ села Грязнушенского.

...Погода стоит как на заказ. После длительных переходов какое блаженство залезть в прохладную воду и позагорать на каменистом бережку! Но поход без трудностей — не поход. И ничем оказались мели, пробоины, камни, солнцепек по сравнению с тем, что приготовила нам под конец погода.

Настает последний день перехода. С утра на небе — ни облачка, день обещает быть жарким и солнечным. Но с полудня наплывают грозовые тучи и совсем рядом прокатился гром. Это происходит так быстро, что у нас даже не остается времени, чтобы выбраться на берег. Тем временем поднимается ветер ураганной силы. Он поднимает степную пыль и кружит с нею в обнимку над рекой и полями, как в бешеном танце. И сама мирная недавно река превращается в Ледовитый океан. Волны вздымаются и своими гребнями проглатывают носы лодок. К счастью, гребцам достало сноровки: все справились с природной стихией и умело причаливают к берегу.

Поистине — проверка на силу и выдержку!

ИЗ СУДОВОГО ЖУРНАЛА: 9.06.91. 23 часа: УРТАЗЫМ. Конечная остановка. Разбиваем лагерь на два дня.

А потом — вечерний костер, вкусный сытный ужин и самое главное — посвящение в туристы.

...После клятвы перед ликом заходящего солнца, экзотического ужина и гала-концерта наступает день, когда наши приключения заканчивались и пора было возвращаться домой.

Но, похоже, никто из наших ребят не пожалел об этих днях, проведенных на природе.

ИЗ СУДОВОГО ЖУРНАЛА: 11.06.91. 14 часов: Прощай, Уртазым! Привет, Магнитка!

А в конце добавлю, что поход по реке Урал — традиция нашей школы. Мы продолжили эстафету девятиклассников и учителей 1973, 75, 77, 85-го годов. И думаю, наш путь повторит еще не одно поколение старшеклассников школы.

Н. ПОЗДНЯКОВА.

Николай КАШИРИН

ПОКА ЖИВУ — ПОМНЮ

(Начало в № 70—75)

4. СМЕРТНЫЕ КАМЕРЫ

Каждую ночь, как «Отче наш», он повторял:

— Ты Коля, пойми одно: если это случится, то как бы ты себя ни вел, результат будет один. Так прими же смерть как мужчина.

— Я знаю, Николай Андрианович, что там будут только исполнители, от которых не зависит — быть мне расстрелянным или нет, поэтому постараюсь вести себя достойно. Мне хотелось бы, чтоб это произошло в чистом поле, на восходе солнца.

— Это, Коля, от нас с тобой не зависит. Возможно, тебе еще заменят приговор, но лучше готовиться к плохому.

В половине ноября в нашу камеру доставили еще одного человека. Это был священник: мужчина средних лет, который рассказал, что по области «собрали» 28 священников. Из них «соорудили» контрреволюционную повстанческую группу и всех приговорили к расстрелу. В материалах следствия у них что-то было недоработано, и почти каждую ночь его вызывал следователь из Управления НКВД.

Волчок в окошке двери камеры закрывался неплотно, и при желании можно было видеть отрезок коридора и дверь противоположной камеры. Разливинский, услышав звук открываемых замков в камерах, тут же приникал к волчку. Однажды он оторвался от окна бледный и бросился на свою постель, закрыв голову одеялом, потом стал плакать. Успокоившись, рассказал, что видел, как из противоположной камеры выводили на расстрел. К двери подошел старший дежурный по тюрьме, с ним еще двое. Старший открыл дверь, за открывшейся дверью находящиеся в камере те двое были не видны. Когда приговоренный вышел из камеры, старший закрыл дверь, один из двух накинул на голову смертнику (так показалось Разливинскому) резиновый мешок, второй завел ему руки за спину. В таком порядке они удалились...

После этого случая Разливинский стал быстро седеть, Косцов плакать, явно опускаться. 21 ноября ночью мы с Николаем Андриановичем сидели на полу и играли в шахматы. Вдруг загремел замок нашей двери, я отвлекся, Николай Андрианович сказал:

— Да это за попом. Твой ход.

— Каширин. С вещами! — в дверях старший дежурный по тюрьме.

С Николаем Андриановичем собрали мои вещи.

— Ну, Коля, дорогой, держись! До последнего момента помни, что я тебе говрил, и до конца помни меня.

Поцеловались, простились. Выйдя в коридор, я тут же глянул на дверь. За ней никого не было.

— Следуй за мной, — сказал старший и двинулся на выход.

Я понял — это не расстрел. Я жив.

Пришли в тюремную канцелярию. Старший взял со стола лист бумаги и прочитал, что по определению Военной коллегии Верховного суда приговор Военного трибунала УралВО заменен 10-ю годами ИТЛ. Заменен приговор 13 октября, а из камеры вывели 21 ноября. Я глянул ему через плечо, но увидел только гриф: «Совершенно секретно».

— Ну, а теперь иди в баню.

— Как, один?

— Я тебя сопровождать не буду. Иди, там знают о тебе. Помоешься, — иди на второй этаж, выбери себе камеру. Там тоже знают. Не часто выходят оттуда, откуда вышел ты.

Пошел в баню. Вещи сдал в дезкамеру, мылся один — воды и мыла неограниченно. После зашел на второй этаж тюрьмы: коридорные смотрят, молчат. Не все ли равно, в какой камере сидеть? — везде одинаково. Подошел к одной из дверей, коридорный открыл ее, и я вошел в камеру. Ничего не изменилось за те 78 суток, что я пробыл в камере смертников. Та же теснота, те же голые тела, так же качают воздух.

— Кто и откуда? — спросил староста камеры.

Я назвался и сказал откуда.

— Кто там с тобой сидел?

Я перечислил всех. Когда назвал Третьякова, один из сидящих, видимо, недавно с воли, сказал: в «Челябинском рабочем» была публикация, что приговор по Третьякову давно приведен в исполнение.

— Нет. Николай Андрианович жив! Не более полутора часов назад я с ним простился.

По решению старейших камеры мне было предоставлено привилегированное место под столом.

При первой же прогулке я обогнал всех, вышел во двор тюрьмы первым, нагнулся к окошку смертной камеры и крикнул:

— Николай Андрианович! Я жив!

Передо мной встала еще одна проблема. Как сообщить в Верхнеуральск о том, что я жив. Дмитрий Малей обязательно выполнил мою просьбу и сообщил приговор Военного трибунала. Действительно, как я узнал много позднее, мое имя не раз упоминалось священником в церкви «за упокой».

Когда я высказал свои затруднения товарищам, решили, что нужно написать два—три письма, привязать к камню и на прогулке выбросить за стену, попадет доброму человеку в руки — бросит в почтовый ящик. Нашли бумагу, карандаш, и я написал три письма. Написал родственникам, на мать не писал, так как считал, что письма, адресованные на мать, обязательно проверяются в Верхнеуральске. Нашли камешек, я плотно привязал письма к нему и на прогулке кинул за стену.

(Продолжение следует)

Народная медицина

ОТ ПОРЧИ, ОТ СКОРБИ, ОТ ДУРНОГО ГЛАЗА...

КАЖДЫЙ ИЗ НАС наверняка слышал о болезнях, называемых в просторечии «сглаз», «грыжа», «зоб», «грудница», «младенческий». Чаще всего идут с ними к «бабкам», которые испокон века лечат эти напасти «заговорами». Еще два—три года назад такое лечение было не то что под запретом, оно просто игнорировалось официальными кругами. Но признавай не признавай этот распространенный в народе вид лечения, а люди находили и находят народных целителей.

Вспоминаю в связи с этим свою бабушку. До самой старости — а прожила она 103 года — пользовала она людей именно от этих болезней, но мы, родня, словно и не замечали удивительного рядом с собой. К ней отовсюду шли, ехали, а близкие, заболев, обращались в поликлинику. То ли из-за привычности к бабушкиным делам, то ли по неверию. Ведь неверие во все нетрадиционное, необъяснимое, неофициальное было прочно вбито в наши головы.

Бабушка не навязывала нам своих услуг, и все же нет-нет да и прибегали мы к ней, держась за щеку. И зубная боль исчезала. Молоденькие соседки, кормящие грудью детей, при малейшей простуде обращались к бабушке, и после двух-трех заговоров воспаление пропадало. Примеров таких на моей памяти — сотни. И лишь сегодня испытываешь сожаление об упущенной возможности понять этот феномен. Так и пропал он из нашей семьи со смертью бабушки, а ведь веками эти знания передавались по наследству...

Есть и в нашем городе такие «бабки». Одна из них — «баба Вера». Люди говорят, излечивает она заговорами всякие болезни. Захотелось взглянуть, так ли пользует она людей, как моя покойная бабка?

«Бабе Вере» далеко еще до шестидесяти и обращение такое заслужила, видно, не из-за возраста, а по роду своих дел. Исстари тех, кто пользовал людей заговорами, называют «бабками». В очереди узнала, что лечением занимается и сноха хозяйки 32-летняя Надежда. Засомневалась: может ли? «Она еще сильнее, потому что молодая, здоровая», — сказали побывавшие у нее люди.

Вера Иосифовна встретила меня вопросом:

— А зачем вам нужна эта беседа?

— И рассказала, что побывавший здесь как-то корреспондент оказал ей «медвежью услугу». Назвал и фамилию, и адрес. И люди повалили. Больных оказалось столько, что шесть дней в неделю с раннего утра принимает и принимает она людей, а желающих записалось — хватит до конца года.

— Устаю так, — поделилась со мной баба Вера, — что в глазах туман стоит. Хоть и помогает сноха теперь мне.

— Расскажите, пожалуйста, как Вы свое умение снохе передали.

— Вся наша семья — верующие: сыновья, дочь, покойный муж. Сноха наша тоже из верующей семьи, да только перед свадьбой была некрещеной: ведь молодежь стеснялась креститься. А я условие поставила: некрещеная нам не нужна. Она быстренько крестилась, потом молодые обвенчались. И другой сын тоже венчаный.

Две снохи у меня, обе вроде одинаково на ночь лбы детям крестят, а у старшей как-то по-другому все получается. Вижу, присматривается, как я людей лечу, спрашивает, интересуется. Видно, дал ей Бог способности к тому. Ее родная бабка тоже лечила заговорами. Вот с двух сторон и шло это к ней. Скажу, не хвалясь, хорошо у нее получается.

Сыновья тоже все знают, правда пока они не пользуются этим — молодые, стесняются. Старшему все же пришлось как-то свои способности в деле показать. Было это в отпуске, в сельской местности. Сильно поранил там мальчик ногу, а врачей нет. Сын остановил кровь заговором.

— А с чего у вас началось? Как ваш дар обнаружился?

— Жили мы в Оренбургской области. Бабушку мою вся округа знала, лечила заговорами. Строгая, даже суровая была женщина. Как-то призвала меня и мою двоюродную сестру — а было нам лет по четырнадцать. Посадила за стол и приказала: слушайте, что говорить буду, да запоминайте. Стала читать нам заговорную молитву, а мы повторяем. И так всякий раз, не отступает, спрашивает наизусть да рассказывает все о заговорах. Мы ее боялись и почитали. И хоть больше всего хотелось нам бегать по улице, воле бабушкиной не противились.

Как-то однажды послушала она нас, а потом подошла ко мне и хлопнула по плечу: «Вот у тебя, Вера, получается! Видно, Господь наградил тебя талантом». Наверное, так. Вот ведь сестра моя, все, как и я знает, а не лечит. Так и снохи: одной дал Господь способности, другой нет. И у дочери нет такого дара.

— Вера Иосифовна, если можно, расскажите, как вы лечите, как распознаете болезни?

— Человек, который приходит ко мне, знает, от чего он мается, да только неправильно говорит. Нет, к примеру, такой болезни, как головная боль. Это сигналы болезни, а нарушения в давлении. Мы, «бабки», лечим от трех основных болезней: порча, испуг, сглаз. Все хвори от них, все связано с нервами. Судороги, младенческий, крик — от испуга. Или самого ребенка, или матери, когда в положении ходила. Закупорка вен — это порча. Есть люди дурным глазом или злым словом останавливают кровь у человека. Вот ведь сколько случаев, когда дойные коровы сдыхают, если плохой человек поглядит на них. Вот и снимаем мы это заговорами, молитвой. И нельзя при этом слукавить ни одним словечком, нельзя переставить их местами, или что-то пропустить, чтобы побыстрее прочитать. Это уже будет обман, и лечение не поможет. Ведь я прошу здоровья больному у Господа Бога, у Божьей Матери, у Святых Угодников — их-то не обманешь.

И еще одно непременное условие: лечу лишь тех, кто крещен.

— К вам в очереди сидят люди нерусской национальности...

— Это не важно, лишь бы они были крещеными по своей вере. Бог-то один. Он разделил людей на разные нации, чтобы различать их.

Наша непродолжительная беседа постоянно прерывалась людьми. Вот в маленькую комнатенку протиснулись мужчина и женщина башкирской национальности. Женщина еле ковыляла на слоноподобных ногах. Одна из них была раздута до величины туловища пятилетнего ребенка.

— Помогите. Врачи не могут лечить, говорят: резать надо. Мы из Петропавловска приехали.

— Не надо резать. Приходите, буду лечить.

— Умоляю, скажите, вы лечите эпилепсию? — В дверь заглядывает женщина, пришедшая с высоким пареньком лет семнадцати.

— Я твердо не могу вам обещать, люди записаны до конца года. Но все же приходите в любой понедельник, может, кто-то не придет.

Следом заходит женщина с девочкой лет двенадцати, пропустившая меня без очереди. Я уже знала, что приехали они из Челябинска, у девочки больные почки. Баба Вера, забыв про меня, уже занималась с ней. Я не стала мешать, все равно за один раз не постигнуть этого таинства. Да и нужно ли это делать?

Посидев еще среди больных людей, послушав об их бедах, поняла вопрос Веры Иосифовны: зачем, мол, об этом писать? Это уж точно: в рекламе она не нуждается. Более того, широкая известность ей вредит, потому как понимает: всем помочь просто невозможно. И отказывать болящим нельзя. И все же каждый день пользует баба Вера людей данной ей природой ли, Богом ли, силой исцеления.

Н. БАРИНОВА.